

СИНКРЕТИЗМ И РАСЧЛЕНЕННОСТЬ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Г. А. ТЕР-ГАБРИЕЛЯН

Одно из самых авторитетных современных направлений изучения разговорной речи (РР)—направление, возглавляемое Е. А. Земской. Результаты трудов группы лингвистов под ее руководством выходят за рамки русистики и имеют общезыковедческое значение. В этой статье нам хочется сосредоточить внимание на некоторых теоретических результатах, как нам кажется, оставшихся необобщенными в одной из основных публикаций этой группы—монографии «Русская разговорная речь» (М., 1973).

Категории синкретизма и расчлененности рассматриваются в ней как «основные системы разговорной речи» (с. 31). Однако практический в целом характер монографии, вероятно, помешал теоретическому осмыслению значения этих категорий для РР и их соотношения в РР. Авторы используют эти понятия операционально, характеризуя ими языковой материал. Между тем, как известно, эти понятия широко используются в языкознании и относятся не только к РР, но и к кодифицированному литературному языку (КЛЯ)¹.

В монографии приводятся предварительные примеры, иллюстрирующие синкретизм и расчлененность системы РР на различных грамматических уровнях в плане выражения и в плане содержания. Расчлененность в плане выражения: «Дай чем писать // 1/». Авторы называют этот случай «неоднословной номинацией». Однако нам кажется, что в нейтральном контексте, если в качестве материала анализа нам дана только данная фраза, она скорее является результатом автоматизированной редукции «распространенной» (расчлененной, нормальной, кодифицированной и т. д.) потенциальной конструкции «Дай что-нибудь, чем можно было бы писать». Без дополнительной информации, касающейся ситуации коммуникативного акта, мы здесь усматриваем не переход конструкции из формы «Дай ручку» в форму «Дай чем писать», а, наоборот, сжатие «правильной», «логичной» формы в функциональную, разговорную. Только внешне-формально, не увязывая форму данного выражения с содержанием, можно говорить о том, что здесь имеется расчлененность, а не синкретичность. В действительности, как в плане выражения, так и в плане содержания данная фраза синкретична. С большим правом исходнозначной номинацией можно назвать «Ох / забыл чем писать // (2) (говорит информант, раскрывая портфель, с. 440) в обстоятельствах, когда информант прекрасно знает, что имеется в виду именно забытая им дома ручка, а не какое-либо иное орудие для письма. Этот случай уже можно объяснить автоматизацией, инерцией, стереотипичностью и иными «нетворческими» свойствами РР.

Таким образом, одна и та же конструкция (чем писать, чем вытереться и т. п.) в одном контексте выражает синкретичность, а в ином—расчлененность РР. Нетрудно заметить, что своим возникновением конструкция все же обязана в первую очередь тенденции к сжатости РР. Можно сказать, что /2/ реализуется посредством переноса семантической функции /1/, хотя этот перенос сводится к сужению функции /1/: от обозначения синкретичного ряда орудий письма—к простому обозначению конкретного предмета.

В функционально сжатой форме сохранены лишь те смысловые единицы, отсутствие которых изменило бы смысл целого, т. е. смысловые доминанты. В информативном плане сжатость /1/ проявляется как отсутствие свойственной обычным языковым текстам грамматической избыточности. Любое дальнейшее изменение приведет к искажению смысла целого.

¹ См. хотя бы «синтез» и «анализ» в терминологии Ш. Балли: Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955.

Обратим внимание, что сжатие /1/ приводит к усилению экспрессии высказывания. Даже сканное наиболее нейтральным тоном, /1/, благодаря конденсации смысла (т. е. тому, что избран наиболее короткий путь для выражения смысла), звучит стилистически выделенно по отношению к «нейтральной» форме: «Дай что-нибудь, чем можно было бы писать». Это можно назвать «разговорной экспрессией». Ср.:

/1/ Дай чем писать

/2/ Он там отдыхает / каждое лето отдыхает //

/3/ Потихе *сердце стучит* давай пойдём //

/1/ отличается от /2/ тем, что достигает экспрессии не посредством повтора, а посредством сжатия; /3/ отличается от /1/ и /2/ тем, что достигает экспрессии не сжатием или расчленением, а перестановкой «слагаемых». /1/ отличается наибольшей экономичностью, тут происходит увеличение функций каждого эксплицитного члена синтагмы, вследствие чего «утяжеляется» их значение в целом.

Стилистическое сравнение этих конструкций с их коррелятами в КЛЯ¹ с точки зрения авторов монографии может показаться неправомерным, так как они придерживаются позиции рассмотрения РР как самостоятельной, отдельной от КЛЯ системы. Если мы примем, что РР—самостоятельная система, то говорить о стилистических качествах ее конструкций по отношению к КЛЯ окажется невозможным, ведь РР характеризуется «несущественностью, неактуальностью для говорящего каких бы то ни было позитивных стилистических требований»². Однако, нам кажется, важно не только рассмотрение различия этих систем, но и их общностей и взаимосвязей, тем более, что авторы оперируют такими общими категориями, как синкретизм и расчлененность, вполне присущими и КЛЯ. В скобках отметим, что хотя практические результаты их труда мы считаем непревзойденными, однако само провозглашение РР системой не представляется нам вполне доказанным. Элементы системности в РР есть, однако, на наш взгляд, они слишком часто выражают свою ограниченность и вынуждают прибегнуть к средствам при выходе из определенного круга бытовых тем общения.

В целом слово «синкретизм» в книге фигурирует чаще, чем слово «расчлененность». Синкретизм в синтагматике РР проявляется в следующих и им подобных типах конструкций:

/1/ За мной с санками // (в очереди о мальчике с санками).

/2/ Он живет где клуб.

/3/ Возьми чем вытереться (ср.: Возьми на гвоздике за дверью висит,— где мы имеем контекстуальный эллипсис, т. е. синкретизм в плане выражения, но не содержания, а в /3/—синкретизм в плане содержания и в плане выражения).

/4/ Кто выиграл дадут приз //

/5/ Возьми ножик чем грибы обрезают //

Кроме замены «чем»/«которым», /5/ ничем не отличается от соответствующего коррелята в КЛЯ. Обоснованием синкретичности /5/ является одновременная зависимость «чем грибы обрезают» от «возьми» и от «ножик». Легко заметить, что конструкция со словом «которым» не дополняла бы глагол «возьми». Возможны две трактовки причин выбора «чем» вместо «которым»:

1. *чем=то, чем* фраза получена из «Возьми чем грибы обрезают» путем ввода дополнительного уточнения «ножик». Такая трактовка выдвинута в монографии (с. 240). Синкретизм фразы в таком случае—формальный, а по сути имеется расчленение.

2. *чем=короткое и близкое по функции соответствие* длинному «которым», фраза получена путем сжатия формы «Возьми ножик, которым грибы обрезают». Тут в результате сжатия действительно налицо синкретизм функций в плане выражения.

Нам могут возразить: ведь РР первичнее КЛЯ, как же можно конструкции РР рассматривать как результат сжатия форм КЛЯ? Да, РР первичнее КЛЯ по происхождению, однако сегодня, в связи с повсеместным распространением КЛЯ, система КЛЯ, даже не эксплицируясь, вполне может служить той гранью, от которой хотя бы:

² Ю. М. Скребнев, Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи (Автореферат докторской диссертации), М., 1971.

использовано, автоматически, но все же оттачивается говорящий при организации формы выражения. Тем более информанты, выбравшие авторов — горожане, в большинстве с высшим образованием.

/6/ А где мой кошелек тут лежал?

/7/ Лекарство-то я пойду как называется?

Ср.: *Потише сердце стучит давай пойдем //*, где чисто синтаксическая перестановка без синкретизма (расчлененности), если не считать отсутствие союза «потому что».

/8/ Анапасы бывают и в нашем магазине продают иногда //

/9/ Вообще-то мы там побывали кое-где красивые места есть //

/6/, /8/, /9/ авторы относят к *интерференции* в РР. Процесс интерференции можно объяснить тем, что в высказывании сталкиваются две тактики его конструирования, говорящий перестраивает грамматическую структуру предложения на ходу, сменяет одну тактику иной:

Ты не видела чайник здесь стоял? = Ты не видела, куда пропал чайник, который здесь стоял?

Возьми ножик чем грибы обрезать = Возьми ножик + Возьми чем грибы обрезать.

Так как высказывание в РР развертывается параллельно течению времени, конструкция высказывания отражается в психике адресата в той форме, которая наиболее проста и грамматически логична для данного момента восприятия. Изменение грамматической тактики изменяет, «редактирует» и предыдущую, уже реализованную часть высказывания в восприятии адресата. При фиксации РР различные стратегии создания высказывания совмещаются в том размере, в какой эксплицитно реализовались их члены, и в результате возникает грамматически «алогичное» по отношению к КЛЯ высказывание.

Рассмотрим вкратце случаи, относимые авторами к расчлененности РР:

/10/ Люда / у нее все в чистоте // (именительный падеж).

/11/ Он как? седой уже (актуализатор).

/12/ И я все-таки пошла / пошла прямо к нему // (повтор).

/13/ На чем они спят / мне не нравится //.

Молоко привозит / сейчас в отпуске / да? / глагольные номинации/.

/14/ *Закрывалку* бы мне где найти // (отглагольное существительное).

Отметим, что даже если /13/ причислить к расчлененным выражениям РР, синкретизм этих фраз явственно проявляется отсутствием лексико-грамматической связи между частями конструкции («та, что», «то, на чем...»).

Из предыдущего ясно, что синкретизм и расчлененность в монографии рассматриваются очень широко. Так, к синкретизму в РР относятся случаи интерференции, эллипса, метонимии и т. п. Однако оба эти понятия имеют отношение к признаку *избыточности* информации речевого сообщения. В соответствии с этим понятие расчлененности, употребляемое в книге, имеет два нерасчлененных значения. В одном случае расчлененность означает логическую и грамматическую развернутость, законченность, самодостаточность высказывания, т. е. его независимость от контекста и ситуации, стремление каждой морфеме высказывания определить по однозначной единице информации. Тогда расчлененной будет как фраза «Сын что приехал ты доволен?», так и «Он хотел, чтобы они вошли». Расчлененность проявляется как свойство актуализованного языка вообще по отношению к синкретичной мысли, идее высказывания, а не как свойство РР по отношению к КЛЯ.

Второй смысл понятия «расчлененность» означает избыточность, большее количество морфем, нежели необходимо для передачи функционального смысла: Люда / у нее все в чистоте // . Именно в случаях так называемой «экспансии» именительного падежа, повторов и глагольных номинаций проявляется расчлененность РР по отношению к КЛЯ.

Однако такое понимание расчлененности вызывает возражение: избыточность чаще всего фиктивна (когда речь не идет об автоматизированном калькировании готовых конструкций), в действительности функционально обоснована, только с точки зрения *целостной* коммуникативной ситуации. Люди склонны видеть избыточность там, где

им просто не полностью дана информация обо всех обстоятельствах коммуникативной ситуации. Так, например, диалогическое единство 1. А тебе было страшно?—2. Нет / не было // избыточно в нейтрально-информативном отношении, однако повтор двух отрицаний вполне может обосновываться стилистическим, интонационно-экспрессивным значением.

Следует также учитывать, что в устной речи избыточность форм может возникнуть как результат стремления одолеть возможные шумовые помехи, независимые от воли говорящего. Так, выражения типа «Петь / а? Петь» можно интерпретировать как попытку преодоления параллельных шумов. Но в современном русском языке это выражение уже стало стилистически не нейтральным и часто используется для усиления просительной интонации, для убеждения адресата: «Пе-еть, а? Петь, ну ты пойдешь? а? Петь, пойдешь или нет?».

При анализе эффекта лексической избыточности в РР (т. е. расчлененности) привлекает внимание гипертрофированное значение именительного падежа, широкое использование прямой формы слова или синтагмы при повторах. Нам кажется, что в условиях РР, когда, как отмечал еще Л. С. Выготский, особое значение имеют синкретизм и предикативность³, номинативная функция именительного падежа подвергается переоценке, превращается в предикативную, проще говоря—наименование приравнивается высказыванию. В частности поэтому нам кажется не совсем обоснованным членение выражений РР на синтагмы по «внешнему» интонационному признаку. Независимо от того, есть ли пауза и интонационное выделение («Вы не видели / напротив живет?», «Посмотри на ее поведение / как она ведет себя //», нет ли / «Рубашку в чем спать положила?», «Мусор собирает не приходила?»), нам кажется, в перечисленных образцах следует выделять по два структурных составляющих.

В РР увеличивается предикативное значение всех составляющих. Цель выразить или уточнить что-либо наиболее коротким и прямым путем диктует изменение «на ходу» избранной предикативной тактики, грамматическое «перекодирование», в результате чего и возникают конструкции типа «Он говорит / а Надины тут рисунки / выставка //». При сжатии, «выпрямлении» и т. п. процессах увеличивается предикативное значение не только знаменательных и прямых слов (именительного падежа, инфинитива), но всех вообще эксплицированных слов. Так, в «Дай чем писать» можно почувствовать своеобразное предикативное значение слова *чем*.

Изменение грамматической структуры высказывания «на ходу» приводит, с одной стороны, к возникновению феномена интерференции, а с другой—к таким конструкциям, как «Хороший с кем она сейчас познакомилась», где мы все же считаем, что имеем дело не с расчлененной номинацией, а со сложной предикативной структурой, состоящей минимум из трех компонентов: 1. Хороший, 2. С кем, 3. Она сейчас познакомилась.

Обобщая, можно заметить, что расчлененность форм РР при использовании именительного падежа, повторах и глагольных или иных несоднословных номинациях является результатом сжатия полипредикативных структур, что позволяет отнести расчлененность в этих случаях к частному проявлению стремления к синкретичности РР.

Сопоставляя проявления синкретизма и расчлененности РР, мы приходим к выводу, что это не одноуровневые свойства: синкретизм—сущностное свойство языка в целом, результат проявления функциональной экономии языковых средств. Это базовое понятие по отношению к расчлененности, которая проявляется или как результат синкретизма, или вместе с синкретизмом, или вопреки синкретизму. Если синкретизм—то общее, что объединяет РР и КЛЯ, то различные способы расчленения—то конкретное, что отличает их друг от друга.

Рассмотрим образцы синкретизма в КЛЯ, используя для иллюстрации все тот же процесс сжатия:

Если говорить правду, то следует сказать, что спасенный ему не понравился.—

³ Л. С. Выготский, Мышление и речь, М—Л., 1934, с. 294.

По правде, спасенный' ему не понравился.— По правде, не нравится мне этот спасенный!

Или: — Я хочу, чтобы вы вошли.

— Можно войти.

— Войдите!

В последнем высказывании, по Ш. Балли, совмещаются модус и диктум.

Наиболее синкретичным выражением в языке можно считать «интонацию плюс соответствующую ситуацию» (типа *А! О! Ах!* и т. п.)⁴.

В заключение авторы монографии справедливо отмечают, что метафора как средство вторичной номинации совершенно не присуща РР, что в ней используются иные средства: метонимии, эллипсисы, имена, ситуации, семантические стяжения, слова-«губки», слова-«рззцы» и т. д. Отдельные случаи употребления метафор в РР чаще всего относятся к шутливой речи, т. е. к ситуации, когда говорящий занимает «отстраненную» позицию по отношению к высказываемому. Однако даже в том, что когда в обстоятельствах быстрого реагирования говорящий использует окказионализм, в котором вместо названия вещи выступает ее функция, какой-либо отдельный признак и т. п., часто между такими словоупотреблениями и метафорами из КЛЯ невозможно заметить особой разницы. Так, «закрывалка», «зацепка», «фундаменталка», «полный Есенин», «Вахтангов» (о театре) являются типичными случаями вторичной номинации РР, а «время бежит», «червь сомнения», «осел», «бревно», «дубина» — метафорами из КЛЯ. Основное различие между ними — ирреальность метафорических образований и реальность разговорных. Основное сходство — что в обоих случаях, говоря одно, следует подразумевать другое. Есть еще один немаловажный аспект сходства — стремление к мотивированию. Почему не запоминается то, что в РР именуют «закрывалкой»? Потому что название этой вещи немотивировано в сознании говорящего. Процесс мотивирования в языке строится на ассоциациях и апеллирует к некоему образу, возникающему на месте понятия. Понятие времени мотивируется посредством ассоциации с чем-то бегущим, текущим и т. д., а название «закрывалки» — посредством функции, которую она выполняет.

Заканчивая заметки о синкретизме и расчлененности в РР, мы хотим еще раз привлечь внимание к творческому аспекту РР, языкотворчеству говорящих, которое хотя и проявляется по определенным, часто стандартизованным схемам, как отмечают авторы, однако сохраняет свое продуктивное стилистическое значение. Можно предположить, что многие выражения, типичные для РР, но невообразимые в КЛЯ, в конце концов благодаря художественной литературе преодолеют этот барьер, как это произошло ранее с так называемыми «сильными» элементами РР (типа: Ну ты даешь! Что за церемонии! Чем болтать... На то и война! Летать-то летал!), долгое время изучаемыми как собственно РР⁵. Так, хорошо известно, что явление интерференции, типичное для РР, давно заняло место в письменном английском языке. Поэтому нам представляется неправомерным стремление к абсолютизации разъединения устной РР от КЛЯ, в частности, от речи персонажей художественной литературы, которое проявляется у некоторых исследователей, работающих в русле подхода Е. Земской⁶.

⁴ В. Н. Волошинов, О границах лингвистики и поэтики (В борьбе за марксизм в литературной науке, М.—Л., 1930, с. 233).

⁵ См., напр., Н. Ю. Шведов, Очерки по синтаксису русской разговорной речи, М., 1961.

⁶ Очень сильна эта тенденция у К. Кожевникова, Спонтанная устная речь в эпической прозе, Прага, 1970.

**ՉՏԱՐԲԵՐԱԿՎԵՄՈՒԹՅՈՒՆ ԵՎ ԾԱՄԼՍՏՎԱԾՈՒԹՅՈՒՆ
ԽՈՍԱԿՑԱԿԱՆ ԼԵՁՎՈՒԹ**

Գ. Ա. ՏԵՐ-ԳԱՐԻԵԼՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Խոսակցական լեզուն որպես համակարգ ուսումնասիրող լեզվաբանական ուղղության կողմից շտաբերակվածությունը և մասնատվածությունը համարվում են այդ համակարգի հիմնական հատկություններ: Սակայն ևրր խոսակցական և գրական լեզուները դիտարկվում են փոխադարձ կապի մեջ. պարզ է դառնում, որ շտաբերակվածությունը ոչ միայն խոսակցական, այլև ընդհանրապես լեզվի բնութագրական հատկություններից է: Դա ընդհանուր է լեզվի բոլոր դրսևորումների համար, մինչդեռ մասնատվելու այս կամ այն միտումը այն է, ինչ տարբերում է միմյանցից խոսակցական և գրական լեզուները: Խոսակցական լեզվում մասնատվածության դեպքերը բացատրվում են խոսակցության յուրահատուկ պայմաններով, մասնավորապես նրանով, որ լեզվական միավորների անվանողական ֆունկցիան ուժգնանում և փոխարկվում է յուրատեսակ «ասացողական» (պրեդիկատիվ) ֆունկցիայի: Չտաբերակվածությունը դրսևորվում է այն բանի շնորհիվ, որ խոսակցության պայմաններում իմաստակիր նշանակություն ունեն և արտահայտված, և շարտահայտված, չձևակերպված լեզվական տարրերը: Արտահայտված և շարտահայտված տարրերի հարաբերակցությունն էլ ստեղծում է խոսակցական լեզվի ուրույն շարահյուսությունը, օրինակ՝ էլիպսիսի, ինտերֆերենցիայի, «սեզմման» և փոխանունության երևույթները: